

— **А**лександр, вы ведь умеете стрелять? — наша Афродита передала мне тяжёлый антикварный наган, как было видно по клейму «Тула 1907 г.». Редкая вещь, наверняка музейная. — Патроны шумовые, но цельтесь им в морду. А я вас потом поцелую, честное слово...

Обо всём этом, наверное, чуть позже. *Memento mori*¹, если мы выживем, я продолжу.

...Итак, позвонить домой родителям мне удалось только ближе к рассвету. И нет, папа не удивился и мама не обиделась, что я поднял их в такое время. Меня нет дома меньше месяца, а они, оказывается, уже всюю скучают.

Гребнева и Земнов просили передать приветы, Диня пообещал достать в следующую посылку лучшее крымское вино в тетрапаке. Бумажную коробку легче принимают на почте, чем стекло. По факту они вообще могут отказать в пересылке спиртосодержащих жидкостей, но это Крым, тут российские законы всё

¹ Помни о смерти (лат.).

ещё трактуются более вольно, с поправкой на местные традиции.

Сестрёнки спали, им я напишу потом, как раз можно будет отправить последние рисунки. Одно время, пока учился и служил на флоте, помнится, я все письма не писал, а именно рисовал. Довольно удобно — и практика работы пером, и тренировка мозга.

Среди художников полно психов, это так, но, с другой стороны, в ту же старческую деменцию представители нашей профессии впадают крайне редко или не впадают вообще. Читал, что в Японии проводили целые социологические исследования на эту тему, так вот их учёным удалось доказать, что мозг рисующего человека до самого пожилого возраста в целом работает лучше, чем у человека пишущего или музицирующего. Так что, считай, мне повезло.

На всякий случай напомним: я — Александр Грин. Да. Нет. Потому что не тот самый!

Родился и вырос в Екатеринбурге, противоречивом городе, где чугунный Свердлов может бодаться с бронзовым Геной Букиным, Владимир Высоцкий — мериться стихами с Егором Летовым, а памятник обычной кухонной тёрке по-любому находится за гранью добра и зла, как и человеческого понимания. Но этот город стоит посетить, оценить и принять, я его люблю...

Выучился на преподавателя истории искусств широкого профиля. То есть могу называть себя искусствоведам, хотя практики маловато. Сам часто рисую, не профессионально, но сносно. Отслужил на флоте почти два года, морская пехота, чёрные береты, Балтика.

«Там, где мы, там победа!» Помните? Вот именно. Однако в данный момент я нахожусь в солнечном Крыму, в городе-герое Севастополе, поскольку меня

приняли на работу в маленький коллектив частного выставочного комплекса «Херсонес».

Вообще-то здесь есть и куда более масштабный музей под открытым небом — знаменитый Херсонес Таврический, но мы им не конкуренты, масштаб не тот. Хотя где-то и в чём-то наш комплекс более мобилен, пусть мы уступаем по широте площадей, зато у нас и руки развязаны, а потому в нашей коллекции куда больше раритетов.

Ну да, я признаю: с частниками всегда всё непросто. Государство нас не поддерживает, большие музеи не замечают в упор, научное историческое сообщество презрительно фыркает, пресса обходит стороной. Так что всё сами, часто на голом энтузиазме и пожертвованиях неравнодушных людей. А их обычно немного...

В нашем случае единственный (насколько мне известно), но постоянный спонсор нашего музея — это Мила Эдуардовна Аполлонова, сестра нашего же директора. Восьма, я бы сказал, специфичная девица: стреляет из лука, держит двух безбашенных доберманов, купается голый в фонтане ночью и вообще...

Хотя кто у нас тут не вообще? Мы тут все — с предысторией и креном.

Я мог бы рассказывать ещё долго, но наш грузовичок начал петлять по малоизвестным улочкам, а погода неумолимо приближалась...

Герман вертел руль так, словно хотел оторвать его и закинуть в позе мироновского Дискобола куда-нибудь на Олимп, а лучше всего — прямиком в лоб Зевсу Громовержцу! Весёлый Денисыч по ходу разбил пустую глиняную амфору о лысый череп голый бабки с нетопыринными крыльями, пытающейся влезть в кабину нашей машины справа.

Знаток древних языков был пьян и счастливо ругался на древнеарамейском. В переводе, как мне потом пересказали, это звучало примерно так:

— С размаху засунь себе в задницу рога собственного мужа, о непристойная женщина, познавшая грязную страсть этрусских козлов, с ахейскими труселями на пустой голове!

Нет, на языке оригинала, конечно, всё звучит ярче и выразительней, но фиг выговоришь. А крылатые твари продолжали с оглушительным визгом кидаться на нашу машину. Более всего они были похожи на крайне уродливых голых старух, прицельно кидающихся (простите!) собственными нечистотами.

Сам я таких монстров раньше не видел, но прижавшаяся ко мне Светлана Гребнева сказала, что это фурии. Убивать их было бы негуманно, они в Красной книге, а вот отпугивать светозумовыми выстрелами — самое то. Хотя лично мне больше было интересно, откуда они вообще взялись в современном Севастополе и почему пристали именно к нам, когда на дороге было полным-полно других машин?

— Кстати, куда только полиция смотрит?

— Зачем нам полиция? Вы мой герой! — объявила наша специалистка по чёрно- и краснофигурной росписи древнегреческих ваз, на каждом повороте прижимаясь ко мне упругой полной грудью.

Когда она так делает, вопрос логичности появления фурий в нашем времени уже никому не интересен. Просто мозг отключается и думаешь совсем не тем, чем надо. Я спустил курок прямо в нос слишком близко подлетевшей твари.

Даже холостой выстрел из нагана на расстоянии десяти сантиметров сожжёт противнику половину лица!

В нашем случае — половину морды, при всём уважении к представителям старшего поколения. Фурия отвалила в сторону с диким, режущим уши воплем и врезалась затылком в фонарный столб. Причём с такой силой, что по бетону пошли трещины...

— Саня, бро, держись, мы уже на подходе!

И да, стоило нам подъехать на квартал к музею, как бешеная стая летающих старух отвалила в едином порыве. Похоже, что ЧВК «Херсонес» боялись все, кому следовало бы. Наш маленький грузовичок затормозил у самых ворот, где в нетерпении подпрыгивал мрачный сторож Сосо Церберидзе.

Первым делом он почему-то обнюхал меня с головы до ног и лишь потом полез обниматься. Иногда мне даже кажется, что в нём собачьего больше, чем человеческого. Но это, конечно, исключительно субъективное мнение.

Диня и Светлана, держа меня с двух сторон, словно боясь потерять, кое-как втиснулись в распахнутые ворота. Разумеется, директора на месте не было, Фектист Эдуардович всегда покидает музей на закате, но его можно застать на рабочем месте едва ли не с первыми лучами солнца. И уж поверьте, нет проблемы, которую он не мог бы решить.

Герман Земнов задержался на несколько минут, ему нужно было отогнать арендованный (читай: украденный, позаимствованный, временно одолженный без разрешения и т.д.) грузовик в гараж законного владельца. Как я понимаю, это было недалеко, практически рядом, и хозяева даже не успели написать заявление об угоне. Ну а как теперь выглядит машина и чем пахнет, лучше не задумываться...

В ночном саду на территории музейного комплекса меня ждал накрытый стол, горящие жертвенные светильники, амфоры с прохладным агорским вином и верные друзья. Когда вы регулярно слышите: «Своих не бросаем!» — это несколько начинает вязнуть на зубах, но в моём случае иначе и быть не могло.

Все музейные сотрудники всегда стоят друг за друга, это извечное братство и сестринство, без чего мы, наверное, не могли бы просто выжить в столь быстроменяющемся мире нечеловеческих скоростей и неземных технологий.

Меня усадили за стол, и тот же Диня, гордо выпятив тощую грудь под чёрной футболкой с хинкалями, торжественно произнёс первый тост:

— За моего брo, за зему, за нашего общего друга Александра, который никого не сдал, который дрался до конца и которому лично я готов доверить собственное винишко! Он без меня не выпьет и не предаст...

— Поддерживаю, — привстала наша прекрасная Афродита, каким-то чудом умудряющаяся выглядеть невероятно сексуально даже в мешковатой униформе уборщицы. — Александр, вы пленили меня! И если этот балабол по-быстрому накидается в кашу, а Герман задержится хотя бы на полчаса, то мы могли бы уединиться в моей комнате и...

— И я рад быть в кругу твоих друзей, — короче, как вы поняли, Земнов появился крайне не вовремя, но тут уж ничего не поделаешь. — Редко в наши дни можно встретить человека, к которому ты безбоязненно повернёшься спиной. А уж тех, кто готов грудью своей закрыть спину друга, ещё меньше...

— Насчёт «безбоязненно повернуться спиной» ты загнул, — хихикнул в кулачок Диня. — Но да, иногда сигара — это просто сигара.

— Мальчики, может, уже выпьем?

— Трезвая мысль, — признали мы все, делая первый глоток густого красного вина. Наш знаток древних языков на такие вещи не разменивался и сразу вылил в себя весь бокал.

Сторож Сосо к столу не подошёл, я пытался его пригласить, но остальные дружно меня отговорили. Определённая дискриминация у нас в музее ещё присутствует, с этим надо будет что-то делать. Неправильно, когда кто-то оторван от коллектива, даже если подобное положение вещей его самого вполне устраивает.

Да и вообще, после недавнего разговора со следователем у меня было много вопросов, появились серьёзные темы, которые было необходимо разрулить. Но понятно уже, что не сейчас, не сегодня и не с теми, кто поднимает тосты за дружбу, честь и музейных хранителей всего мира в целом...

— Саня, расслабься, забей на всё и тупо пей! — Из закусок на столе был белый сыр, фиолетовые сливы, хлеб, маслины и мёд. Мяса, рыбы или десертов на ужин обычно не подавали. — Завтра придёт шеф, солнышко наше сиятельное, и сам тебе всё расскажет. Мы-то чего? Мы тут все подневольные, но!..

Денисыч сделал многозначительную паузу, я изобразил заинтересованность.

— ...но вытаскивать тебя из тюрьмы нас не посылали. Это мы сами! Представляешь, как директор удивится утром, а? Пришёл такой весь важный, собирается звонить по всем каналам, мол, отпустите моего сотрудника, он ни в чём не виноват, а ты такой — оба-на! «А меня, дорогой вы наш Феоктист Эдуардович, ещё ночью спасли! Между прочим-с, без вашей-с помощи-с!»

Честно говоря, я не был уверен, что это так уж хорошо. Земнов всё правильно понял и поспешил внести коррективы:

— Мила Эдуардовна всё проконтролировала. Светлана сразу ей позвонила, так что не волнуйся, руководство всегда в курсе всех дел. Но ты так и не ответил насчёт того рисунка...

— Блокнот лежит у меня в комнате, но, в принципе, рисунки скопированы на сотовый. Ты этот имел в виду? — я достал смартфон, порыскал в галерее и нашёл нужный файл.

Все трое на минуточку прилипли к экрану. Герман густо покраснел, сдвинув брови, Диня пьяно икнул и брезгливо сплюнул в траву. Светлана заметно побледнела, казалось, один вид этого существа доставляет ей физическую боль.

— Да что не так-то? Это всего лишь сон.

— Пожалуй, нам не стоит сейчас об этом говорить, — великан Земнов отнял у товарища амфору и буквально выглохтал с пол-литра, не отрываясь, прямо из горлышка. — Пусть директор объясняется, в конце концов, это его работа.

Поскольку все рассеянно закивали, я решил-таки напомнить о себе. Ну, не о себе самом как о личности или сотруднике, а по вопросам...

— Вино как бы... крепкое. Мысли немного путаются, но мне важно спросить. Ик!

На меня подняли три пары честных глаз.

— Короче, по чесноку, вы — боги?

— Я — нет, — без малейшей заминки ответил Герман.

— А я — да! Я бог пьянства, винишка и прочей алкашки-и!

— Тогда я тоже — да, только не бог, а богиня! Любви и красоты, — гордо выпрямилась Гребнева, при всех посылая мне воздушный поцелуй.

— Да вы меня троллите...

— А ещё я хочу танцевать!

В общем, они продолжали издеваться надо мной как могли. Денисич подсунул очередной (наверное, четвёртый или пятый?) бокал, откуда-то зазвучала флейта, мелодию подхватили бубны и арфы, полилась

совершенно невероятная музыка, а наша музейная со-трудница, скинув сандалии, запрыгнула прямо на стол. Кажется, меня начинает укачивать...

О небо, как она танцевала! Маленькими шажочками, на цыпочках, едва ли не порхая словно бабочка над мраморной столешницей, но не сбив ни одного бокала и не задев ни одного блюда. Танец на кончиках пальцев.

Её руки тянулись к звёздам, талия была натянута как струна, а бёдра двигались в умопомрачительном ритме. И нет, не в возбуждающе жарком, как у восточных танцовщиц, и уж тем более не в пошлом американском тверке, а именно на высокой, манящей ноте, поднимающей на высоту облаков пластике каждого движения.

Наш великан начал отстукивать ритм по перевёрнутому серебряному блюду, мы с Денисычем били в ладоши, скорость движений увеличивалась, и вдруг над головой девушки взметнулась серая куртка уборщицы. Мир замер, как моё сердце...

Я смотрел на её обнажённую спину, уходящим краем мозга понимая, что более совершенной фигуры не видел нигде и никогда. Светлана качнула бёдрами, серые мешковатые брюки начали медленно соскальзывать вниз...

— Вы б... богиня, — успел признать я.

Или не успел. Или успел, но не произнёс этого вслух, потому что, прежде чем при лунном свете то-мно начали обнажаться два роскошных задних полушария, я уже валялся на траве под столом, пуская носом пузыри. И на лице моём сияло неземное блаженство! По крайней мере, так мне потом описывал всё тот же неупиваемый Диня.

И увы, ему можно верить. Не всегда и не во всём, разумеется, но вот конкретно в той истории, пожалуй, да. А мне нужно научиться говорить твёрдое «нет», когда на столе за завтраком, обедом или ужином появляется алкоголь. Любой!

С одной стороны, «нет» звучит святотатственно по отношению к крымскому вину, а с другой — кому тут нужен в хлам спившийся знаток истории искусств широкого профиля? Лично я уволил бы себя же не заду-мываясь...

- Они его вытащили?
- Естественно.
- Но он всё понял?
- Естественно.
- Ха, значит, теперь он устроит им допрос?
- Естественно.
- Они будут выкручиваться?
- Естественно.
- Хотела бы я на это посмотреть...
- Естественно.
- Но ведь не получится, да?
- Естественно.
- Потому что нам туда нельзя.
- Ещё хоть один раз ты произнесёшь это «естественно» — и я сама тебе врежу!
- Естеств...
- На!
- Упс, а это больно...
- Естественно!

...Вставать всё равно пришлось рано. Это общие правила: во сколько бы ни лёг, но старина Церберидзе никогда не позволит вам проспать завтрак. У него

какая-то странная заикленность на соблюдении режима дня, словно у собаки Павлова.

Сначала он вежливо скребётся в дверь, а потом бабанил в неё же с такой силой, будто хочет вынести её вместе с косяками. Волей-неволей приходится вставать. Как оказалось, треть моей узкой армейской кровати занимал вечно пьяный полиглот, свернувшийся калачиком у моих ног.

В принципе, этот тип может спать где угодно: на траве, на сырой земле, на бетоне. И ведь не простужается ни разу, даже насморка нет! Что с ним станется, он у нас насквозь проспиртованный, попадая в него, любые вирусы и бактерии гибнут в страшных муках на корню...

Я через силу улыбнулся заботливому сторожу, голова после вчерашнего просто раскалывалась. Надо выпить пенталгин. Хлопнула дверь в комнату Гребневой, значит, она уже приняла душ, прошлась голой по коридору и теперь можно выходить. Разок я высовывался в коридор и раньше, но все дали понять, что подобное поведение невежливо, так что пришлось соответствовать общепринятым правилам.

Диня встанет сам, или его растолкает наш сторож, мне же оставалось пройти в душевую, умыться, побриться, привести себя в порядок и выйти к общему столу.

— О, Саня заявился! Садись, бро...

Каким чудесным образом этот гад успевает выйти раньше меня, свежий, улыбчивый и выспавшийся, как будто бы и не бухал вчера, — уму непостижимо. Но факт остаётся фактом. Герман сидел напротив, задумчиво рассматривая тарелку гречневой каши, нашей Афродиты ещё не было, зато меня категорически приветствовало родное начальство:

— Грин! Рад видеть снова вас в чертогах наших, достойного героя, что не стал допросу подчиняться

и отважно своих друзей скрыл имена и внешность. Они же, невзирая на запреты, законы, правила единые для всех, пошли стеной и вырвали из плена того, кто вечной дружбою повенчан с музеем нашим, нашими мечтами и верой в то, что мир вдруг станет лучше...

Его гекзаметр был безукоризненным. Феоктист Эдуардович поправил тёмные очки и тепло пожал мою руку. Тепло в буквальном смысле: его ладонь всегда была горячей, на тридцать восемь и семь как минимум.

— Не обращайтесь внимания, — с пониманием улыбнулся он, — у меня врождённая патология: от рождения температура тела на один-два градуса выше нормы. Но садитесь же, рассказывайте!

— О чём именно?

— О нём, — директор раскрыл свой сотовый, показывая мне мой рисунок на экране. — Вы утверждаете, что видели это существо во сне. Оно не показалось вам странным?

— Ну... как бы половина тела мужская, половина — женская, — прокашлялся я, садясь за стол. — Как по мне, так это уже весьма странно.

— О, это как раз ерунда! Вы не хуже меня знаете, что история искусств помнит и не таких уродов. Речь о другом: как оно разговаривало?

Я попытался вспомнить. Вроде бы на нормальном русском языке, без акцента, просто...

— Наверное, как муж с женой. Одновременно споря, перебивая и дополняя друг друга, словно живут вместе уже тысячу лет. Как будто два голоса в одной голове.

Феоктист Эдуардович покосился на Германа, тот уронил ложку в кашу. Диня просвистел что-то бодренькое и, ни у кого не спрашивая разрешения, в при-

существования начальства, откупорил амфору. Вроде как пить за завтраком у нас в музее не поощрялось, но директор не стал делать замечание. Он вылез из-за стола, не спеша отошёл к фонтану и встал там в позу Наполеона, наблюдающего горящую Москву.

Всеобщее молчание прервало появление женской половины нашего коллектива.

— Мальчики, почему меня не позвали на завтрак? Я чуть было не проспала: из-под этого коварного одеяла так трудно выбраться, и никто не помог мне его сбросить...

Все мы прекрасно понимали, что стаскивать одеяло со спящей в неглиже девушки — дело опасное во всех смыслах, но вежливо промолчали. Уже даже я понял, что Светлана для всех нас — это некий неприкасаемый символ женственности и красоты.

На неё разрешено любоваться, ей нужно восхищаться, носить на руках, дарить подарки, посвящать стихи и песни, но не лезть под юбку! Это она может флиртовать, искушать, завлекать, обещать всё что угодно, но не дай бог вы на это поведётесь. Я лично видел, как она укладывает здоровых мужчин связкой в два-три удара, так что в скорую помощь, реанимацию и морг стоит звонить одновременно...

— Как я понимаю, всё самое интересное опять обсудили без меня? Что ж, остаётся надеяться, что именно меня вы и обсуждали, — Гребнева чуть приподняла подол и без того очень короткого домашнего халатика и присела с краю стола, игнорируя тарелку с кашей, но цапнув себе маленькую кисть чёрного винограда. — Грин, хоть вы скажите, какие у нас планы на сегодня?

— В смысле у нас двоих? — не поверил я.

— Разумеется! Герман опять с головой уйдёт в тренировки, Диня, как сами видите, начал квасить ещё

с утра, а у меня выходной, и мне нужен спутник для успокоительной пробежки по магазинам. Феоктист, вы же не против, если я одолжу у вас Александра?

Директор рассеянно кивнул, а я пытался вспомнить, слышал ли хоть раз, чтобы Светлана называла шефа просто по имени, без чинов и банального уважения к должности? Вроде бы не слышал ни разу. Быть может, их отношения более тесные, чем мне казалось?

— Забей, бро, — тихо раздалось у меня над ухом. — Они дальние родственники, и Светка имеет здесь больше прав, чем все мы вместе взятые.

— Насколько дальние? — зачем-то спросил я.

— Это такая замороженная линия... ну, типа по отцовской или дедовской, не принципиально. Но имей в виду: он с ней не спал! Никогда. Даже намёков на это не было. И если что, я тебе об этом не говорил! Тс-с...

— Почему?

— Действительно, — на миг задумался знаток древних языков. — Я же пьянь, какой с меня спрос? Но всё равно, тс-с...

Наша специалистка по росписи на древнегреческих вазах небрежно щёлкнула пальцами, и старик Церберидзе встал перед ней, едва ли не пуская слюну. Она улыбнулась, потрепала его по загривку и попросила вызвать машину в центр. После чего встала и обернулась ко мне:

— Александр, так вы едете? Я буду готова через десять минут. Если, конечно, вы вдруг заглянете ко мне помочь застегнуть лифчик...

Я закивал, не зная, на что подписываюсь, но в глазах нашей Афродиты плескалось тёплое синее море, поэтому любые сомнения были лишними. Она легко могла бы вить из меня верёвки, что, собственно, и делала. Да и кто бы мог перед ней устоять?

Директор так и не оборачивался, похоже, он ушёл в себя далеко и надолго. Великан Земнов наконец покончил с кашей, переключившись на бутерброды с маслом, сметаной и мёдом. Денисыч вообще ничего не ел, он просто пил не закусывая, и никто не делал ему замечаний.

То есть по факту я мог быть свободен и потратить такой же выходной на прогулку с самой прекрасной женщиной. Поход по магазинам меня не пугал. В конце концов, пока Светлана занята выбором или примерками нарядов, я всегда могу списаться с сестричками или посидеть в интернете. Но стоило мне встать, поблагодарить за завтрак, как Феоктист Эдуардович, не оборачиваясь, подал голос:

— Грин, я надеюсь, вы правильно поняли просьбу сотрудницы Гребневой о лифчике? На всякий случай напоминаю: это значит и носу не совать к ней в комнату, пока сама не выйдет. Поверьте, это в ваших интересах. Мы оплачиваем больничный лишь в случае травмы на работе, а не по причине личной глупости.

— Разумеется.

— И пожалуйста, постарайтесь уговорить её вернуться до обеда.

— Хорошо, попробую.

— Но самое главное — не вляпайтесь ни в какую ситуацию. Я не всегда смогу прийти к вам на помощь. И возможности Милы Эдуардовны также безграничны.

Мне оставалось лишь кивнуть и бегом метнуться в свою комнату. Я переоделся с шорт на тонкие джинсы, сменил футболку на рубашку с коротким рукавом, проверив наличие карты «Мир» в кармане. Весьма странно, конечно, что спустя девять лет наш Сбербанк до сих пор юлит под западными санкциями, но приходится выкручиваться.

Благо ещё деньги хоть на эту карту зачисляются регулярно и такими суммами, что о дороговизне поездки именно на такси и заморачиваться не стоит. Я мог бы и целиком автобус снять, но смысл? Светлану пришлось ждать минут пять-шесть, мне как раз удалось коротенько позвонить домой, ещё раз сообщив родителям, что со мной всё в порядке, и пообещав более обстоятельно рассказать всё вечером. Афродита выпорхнула из своей комнаты ровно в ту секунду, как старик Церберидзе доложил мне, что заказанная машина ждёт напротив главного входа.

На этот раз девушка была одета в тонкий полупрозрачный сарафан, чуть выше колен, с открытыми плечами, но умеренным декольте. Волосы собраны в простой хвост, косметики минимум, а сексуальности и обаяния на три ядерные бомбы. Если вы понимаете, о чём я...

— *In amore forma plus valet quam auctoritas!* — процитировала она мне, прежде чем я успел открыть рот для дежурного комплимента. — В любви красота важнее репутации, не так ли?

— В вашем случае и то и другое равноценно, — как мне казалось, очень удачно выкрутился я, но Гребнева на миг нахмурилась:

— Мне всегда хотелось быть именно красивой, а не задумываться о том, что говорят о моём поведении. Бабушек у подъезда никто не переубедит. Вы бы знали, сколько раз на дню меня называли проституткой!

— Надеюсь, они все горят в аду?

— Не проверяла, но Феоктист и Мила всегда готовы помочь с банальным избавлением от трупов, — Светлана улыбнулась мне столь обезоруживающе и безмятежно, что я уже и не обращал внимания на сам подтекст. А ведь стоило бы...

Когда уже подъехало такси, я спросил, куда конкретно мы едем. Моя спутница доходчиво объяснила, что с конкретной целью — куда надо — едут только мужчины, а женщины идут гулять, попутно заглядывая во все магазинчики, которые вдруг вызвали их интерес. Что именно она собирается купить, ей на данный момент неизвестно. Но как только она это увидит, то сразу же мне скажет. Какие ещё вопросы? У меня не было, у пожилого таксиста тоже. Нас отвезли на «гулятельную» набережную, где мы первое время просто фланировали, наслаждаясь чудесной погодой и освежающим ветерком с моря. Народу было довольно много, хотя, как предупреждал тот же водитель, к вечеру будет втрое больше. Естественно, в жару севастопольцы сидят дома под кондиционерами...

Мы выпили кофе в маленьком уютном заведении почти напротив памятника затопленным кораблям. Рассчитывался я, и, надо признать, современные правила феминизма, когда «каждый платит сам за себя», наша сотрудница не принимала категорически.

С её точки зрения, если рядом с красивой женщиной идёт мужчина, то он ДОЛЖЕН иметь на кармане достаточную сумму для поддержания подобной красоты рядом. Тем более если речь о такой роскошной девушке. Короче, у неё с собой даже кошелек не было, не говоря уж о банковской карте и так далее.

А потом впереди показались маленькие бутики, и вроде бы мы направились в их сторону, но тут ей на глаза попался фирменный магазин вин «Золотая балка». Светлана захотела посмотреть ассортимент вин, вот тут-то всё и началось. Да, собственно, как говорила моя мама, всё не самое хорошее по жизни как раз таки и начинается с посещения винных магазинов.

— Нам непременно нужно взять вот это: два сухих, одно полусладкое, но самое дорогое — для шефа — и можно ещё три полусухих, под настроение.

— Итого семь бутылок.

— Восемь! Нет, девять, всегда лучше взять про запас. На «Золотую балку» в своё время заманили французских виноделов, и они оправдали свою зарплату. Александр, всё это надо немедленно брать!

— Если мы возвращаемся в музей, то да, — задумался я, поскрёбывая подбородок. — Но если вы планируете ещё куда-то зайти, то тащить с собой девять бутылок шампанского на жару — это не лучшая идея...

— Вы сильный, я в вас верю!

— А если оно тупо рванёт?

— Нет проблем, рыба моя, у нас есть холодильник, — неожиданно прервал хриловатый голос сзади.

Я обернулся. Гребнева даже не повернула головы: не в её правилах реагировать на каждый сомнительный комплимент. Позади нас стояли четверо классических байкеров, в чёрных безрукавках, банданах с черепушками и скрипучих кожаных штанах. На плечах — странный шеврон в виде многоголовой гидры, пальцы в массивных стальных перстнях.

Причём все парни пьянучие в ту же севастопольскую гавань. Но тот, что начал разговор, выплюнул короткую зубочистку прямо на пол и продолжил:

— Так чо, цыпа, набирай тележку и едем с нами. Этот дрыщ тебе не по классу.

— Александр, вы лично убьёте всех четверых или этим должна заниматься хрупкая, нежная женщина вроде меня?

Я ещё даже не успел ответить, а побледневшая продавщица уже лихорадочно искала сотовый в дамской

сумочке. Да, да, срочно вызывайте полицию, пока наша милая Афродита не разгромила вам весь магазин. Как говорили старики латиняне, *Aut vincere, aut mori!*¹

— Чо зависла, чика? Мы от самого Хирурга, база есть, бабло есть, падай на хвост, и сруливаем!

¹ Или победить, или умереть! (лат.)

— Мужики, посмотрите на себя. Вы уже хорошие, — попытался вмешаться я. — Какой Хирург? Если только Золдостанов узнает, что вы прикрываетесь его именем, он вас без наркоза прооперирует на предмет принудительной кастрации.

Байкеры неуверенно переглянулись, но, видимо, количество выпитого на корню топило любую, даже самую банальную логику.

— Ты на кого, козёл, наехал? На Хирурга? На друга нашего, гаранта? Ты охр... х... что ли?!

Вот прямо сейчас доказывать четверым упитым идиотам, что я говорил нечто прямо противоположное, было бессмысленно. Неожиданно для самого себя, я отступил и поклонился, делая рукой приглашающий жест:

— Светлана, они ваши!

Она благодарно кивнула, и далее мне уже не было нужды во что-либо вмешиваться. Иногда и женщинам нужно отводить душу. Разве что, пока шла драка (скорее, некий аналог библейского избиения младенцев), я подмигнул продавщице:

— Не нужно прямо сейчас вызывать полицию, всё будет хорошо. — А через пару минут вынужденно добавил: — А вот скорую, видимо, всё-таки надо... И да, сколько с нас за девять бутылок?

Общий разгром заведения не хотелось уточнять даже в примерных суммах. Возможно, им бы стоило просто поменять по страховке весь дизайн. Я не уверен, но оказывается, наша специалистка по росписи греческих ваз также отлично умеет расписывать какие угодно морды под Гжель в синем цвете, под Хохлому в красно-чёрном, под Китай эпохи Минь в четыре цвета на выбор! Она у нас та ещё игривая затейница...